

БОГИНЯ ЧОРТИЧО

Про черную руку,
иййонцев, йлайбе
в горошек и красивую
девочку из йрошлого века

Стелла Иванова

Стелла Иванова
Богиня Чортичо. Про черную
руку, питонцев, платье
в горошек и красивую
девочку из прошлого века
Серия «Книги любимых блогеров»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58860293

Богиня Чортичо. Про черную руку, питонцев, платье в горошек и красивую девочку из прошлого века: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-111516-6

Аннотация

Что такое счастливое детство? У каждого оно свое. Со своими чувствами, воспоминаниями, цветом, музыкой, запахами.

Детство в 70–80-х прошлого века – длинное-предлинное, совершенно бесконечное лето, которое длится, кажется, как целая жизнь. И эту жизнь проживаешь каждый длинный-длинный и яркий день.

Счастливое детство – это мандарины, запах елки и ожидание чуда. Это белый с голубым отливом снег и варежка на резинке, вся

мокрая, в снежных катышках... Это неудобная, тяжелая шуба, и дурацкая, сползающая на глаза шапка, и санки на веревочке.

Это лучшие друзья. Это мама и папа молодые. Это корона из картона. Это черная рука, про которую из поколения в поколение шепотом рассказывают по ночам в пионерском лагере. Детство – это безоговорочное счастье и безусловная любовь. Просто потому, что ты есть.

Написанная невероятно смешно, чувственно и ярко, эта книга заставит вас возвращаться к ней снова и снова, проживать счастливые мгновения, делиться ими с детьми.

Автор «Богини Чортичо» – одно из ярких имен настоящей сетевой литературы, Стелла Иванова, известная всем, кто присутствовал во всемирной сети в годы расцвета Живого Журнала. Ник @iva-no-va появлялся в ТОП-50 авторов с завидной регулярностью. Множество публикаций в газетах и журналах, 15 лет ведения собственной программы на радио, авторской колонки в журнале, огромная благодарная аудитория на Facebook... Стелла Иванова с семьей живет в Сиэтле, воспитывает двух очаровательных внуков и продолжает делиться со своими читателями веселыми и трогательными, остроумными и поучительными, интересными и захватывающими историями, рецептами и размышлениями.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	7
Былое и думы	12
Молочные реки	14
Предновогоднее	19
Про платье, корону и пятилетнюю дурочку	21
Вырасту большая и стану...	34
Про питонцев	39
Леденцы на палочке	50
Небесная ласточка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Стелла Иванова
Богиня Чортичо. Про
черную руку, питонцев,
платье в горошек и
красивую девочку
из прошлого века**

© Текст. Стелла Иванова, 2020

© Иллюстрации. Павел Павлов, 2020

© Оформление. БОМБОРА, 2020

* * *

«Честно сказать, детство я вспоминать побаиваюсь. Это как после долгого отсутствия приехать в старый бабушкин дом, в котором выросла, где все знакомое на ощупь, по запаху, по ощущениям. Все то, да не то. Все так, да не так. И секретик – красная фольга от конфеты «Гулливвер» со слегка облезшей бусинкой в середине, по бокам нарядные мелкие камушки, все это счастье под прозрачным стеклышком, и закрыт глубоко, в далеком углу двора, а для надежности присы-

пан хвоей и высохшими листьями. И о нем помню я и больше, кажется, никто.

Но не хочется раскапывать этот секретик. Не хочется на него любоваться. И некогда. И боязно. И – лучше вообще не ворошить прошлое.

Но!

Иногда влетаешь в воспоминания на секунду. Как на пыльно-солнечную веранду в детстве. Тут вот ведро, зеленое, эмалированное, на боку вмятина, эмаль откололась, и черная, похожая на голову Эйнштейна блямбина – вот она. И кружка, тоже эмалированная. Но голубая, в белый горох. Зачерпнуть из ведра воды, и пить, пить, пить, захлеб, обливаясь, чувствуя, как вода льется по шее, внутрь майки, по рукам. Выдохнуть. Отдышаться. И айда обратно на улицу. К ребятам. Там – казаки-разбойники, вышибалы, там картошку можно испечь вечером, как стемнеет... Там...»

Стелла Иванова

От автора

Привет!

О себе писать мне сложно. Тем более, я и сама еще не до конца разобралась, кто я. Ху из Стелла Иванова?

Помните, была передача «Сам себе режиссер»? Сейчас каждый сам себе писатель. Одни пишут и сразу отправляют в издательства, «а вдруг?». Другие пишут – в стол, надеясь, что когда-нибудь потомки найдут, прочтут и восхитятся, и вот тогда-то настигнет слава, как говорил герой Юрия Никулина, «наградят... посмертно!». А кое-кто – вдохновенно пишет и выкладывает в сеть, в многочисленные нынче живые журналы, вконтакты и прочие фейсбуки. Кое-кто – это была я. И среди многих тысяч подписчиков в фейсбуке обязательно найдутся те, кто скажет – ты талант, тебе нужно книжку издавать.

Скажут раз, два, сорок семь. Будут убеждать, доказывать, приводить примеры. А ты в ответ – смущаться и задаваться вопросами: какая книга? зачем? чтобы что? Но сидишь, улыбаешься, приятно же, зачем врать себе...

Да, я пишу. О детстве. Оно у меня было, как и у многих, советским, со всеми прелестями того времени тотального дефицита, пионерских галстуков и линеек, летних каникул даже без намека на отдых в турецких отелях «все включено». Все включено у нас было в пионерском лагере «Чайка» – три летних месяца – три созыва. Костры на открытие и закрытие, конкурсы строя и песни, купание в мелкой речке Узе, первая

летняя мелкая земляника, воскресный родительский день, вечерние танцы в клубе под «Летящей походкой...» Юрия Антонова и бессмертную битлзскую «Yesterday», тихий час, удобства во дворе с таким сильнейшим запахом хлорки, что даже сейчас, когда я об этом пишу, у меня начинают слезиться глаза.

Я пишу об этом своем детстве, счастливом и длинном-длинном, которое, казалось, никогда не кончится. Я пишу о юности, веселой, голодной, бесстрашной, бесшабашной – такой и не такой, как у всех. Всех тех, кто рос, вырос, умнел и набирался жизненного опыта, набивая об эту жизнь свои синяки и шишки, влюблялся, расставался навсегда и снова влюблялся, и тоже навсегда.

Иногда доходит до абсурда – вспоминаешь какой-то эпизод из своей же жизни, и сразу картинка, как кино, разноцветная, многогранная, словно узоры в трубочке-калейдоскопе или преливчатый хрустальный шар. И ты их рассматриваешь рассматриваешь, и всплывают даже самые мелкие детали, свет, цвет, музыка, запахи.

Кстати, о запахах. Вы замечали, что запахи детства остаются с нами на всю жизнь? Запах ванили и корицы – это бабушкины коржики, запах пряной аджики и кинзы, хмели и уцко сунели – это папины грузинские блюда, запах фаршированной рыбы, драников, жаркого в горшочках и дордочки – это мама. Вот о еде, как о событии в жизни семейства и о настоящем эксперименте с участием или без участия его

членов всех возрастов я тоже пишу много и часто в форме диалогов на кухне. Я ничего не придумываю, только пытаюсь записать то, что через минуту может забыться, потеряться, раствориться в исчезающем потоке жизни.

Я очень люблю готовить и пытаюсь делиться своими рецептами и удачами, да и неудачами, на кухне! И тем приятнее, когда мне пишут: «О, у меня по твоему рецепту получилось, давай еще, Стелла!» И я даю. Рецепты, разговорчики на кухне и смешные истории моей семьи.

А пока – я занимаюсь своей семьей. У меня два внука (пишу, и самой странно – какие у меня внуки, я сама еще девчонка!). Мальчик и, да, мальчик. Я у них многому учусь. И это не красивые слова. Это правда. Джек – пятилетний умница, философ, созерцатель. Кай – два с половиной года – удивительный человек – яркий, громкий, азартный, сопереживающий, смешливый и смешной. И нет большего счастья, когда мои мальчики говорят: «Бабби, я тебя люблю!»

Я счастливый человек. Да. Я счастливый человек. Но можно ли написать о состоянии счастья? Не знаю. Попробую. Судите сами.

Это даже не книга, которую взрослые и настоящие писатели собирают, обдумывают, придумывают годами. Целенаправленно. Нет. Это скорее ощущения – запахи, чувства, удивления, страхи и радости детства.

То, что вспоминалось и записывалось в «Живой журнал», было с благодарностью принято читателями и неизменно

входило в ТОП-50, видимо, вспоминалось не только мне... Это уже потом я вместе с многими переключалась в Facebook.

Кстати, рояль в кустах, – вы можете мне рассказать прямо там о своих ощущениях об этой книге, о чем-то спросить, чем-то поделиться: <https://www.facebook.com/stella.ivanov.3>

Былое и думы

Когда я была маленькой и совсем уж глупенькой, я думала.

Я много думала.

И кое-что из того, что я думала тогда, я запомнила, и иногда думаю об этом сейчас.

Одно из двух – или я впадаю в детство, или я так и осталась совсем глупенькой.

Возможно, кому-то станет смешно, а кому-то захочется закрыть книгу, но я признаюсь в нескольких мыслях:

Я думала, что все кошки – это девочки, а все собаки – мальчики.

Я думала, что если я стану продавщицей мороженого, я буду всегда привсегда есть его столько, сколько хочу, и главное (!), я буду есть только эскимо по одиннадцать копеек.

Когда я выросла и узнала, откуда берутся дети, то я думала, что у людей столько детей, сколько раз они... ну эта-сама, ну, в общем, вы поняли. РRRРаз – и ребенок. Я думала, что Витька Китаец, наш сосед, – два раза сделал ЭТО, а сосед дядь Федор аж целых пять, потому, что у него было пятеро детей.

А еще я думала, что у Солнца есть выключатель, и кто-то там этим выключателем командует, – и вечером, автоматически выключая Солнце, – включает Луну, а утром – все

наоборот – Луна выключается, Солнце включается.

Я думала, что если я умру, то будет очень страшно лежать в гробу, и особенно станет страшно, когда меня закопают в землю. Там будет сыро, холодно и темно. И я буду там лежать одна, и мне будет очень трудно дышать, поэтому надо было бы взять в гроб такую трубку, как у соседского взрослого Сережи, который не Киса, а другой. Красивый и на мотоцикле. И еще у него есть шлем, но мне шлем в гробу не нужен, только трубка, чтоб дышать.

Я думала, что я не хочу умирать, и когда я вырасту, ученые придумают что-нибудь, чтобы люди не умирали. И все чтобы жили. Долго-долго. И мама, и папа, и Ритка, и баб Соня, и даже Киса и противная Валька Сазонова. Пусть и она живет.

А теперь я думаю меньше на такие темы, потому что чем меньше об этом думаешь, тем лучше себя чувствуешь.

Ну вот. Спасибо, что выслушали. Пока все.

Нет. Я еще о многом думала, но я еще об этом подумаю.

Сама.

Молочные реки

В восемь вечера мне выдавали сорок копеек (две серебряные монетки по двадцать, или две пятнашки и десятикопеечную, или две пятнашки и два пятачка, или...) и двухлитровый белый бидон с крышкой.

Я стучала в калитку своего кореша Кисы, и он торопливо выбегал откуда-то из палисадника, уже крепко сжимая в одном кулаке монетки, а в другой руке такой же, как и мой, бидон, только зеленого цвета.

– Чё так долго? Последние будем! – ворчал он, точно с такой же интонацией, как у его деда Кирилла.

– Успеем! Чжаниха еще посуду моет, а Полицай поливал огород! – докладывала я спешно.

Мы отправлялись на соседнюю улицу к бабе Кате за молоком. Идти было недолго, минут пять-семь, но, самое главное, нужно было успеть вперед Сережки-Москвича, Сашки-Полицая, Ирки-Чжанихи, Тани Емельяновой, Маринки и других ребят с нашей улицы. Зачем раньше? А вот просто так! Чтобы быть первыми.

Во дворе у баб Кати стояла лавочка. По негласному правилу тот, кто сидел ближе к крыльцу, тот и был первым. Случались и драки, тогда бидоны летели в пыльные кусты, началась свалка за место на лавочке, но тут выходила баб Катя, в белом платке в крапушку, синей вязаной кофте, цвет-

ной серо-буро-малиновой длинной юбке, и все мигом затихали. Баб Катя ловко выкатывала огромный, явно тяжелый металлический бидон, застила горлышко чистой марлей, сдернутой с высоко натянутых веревок, пахнувшей летним днем, молоком, клевером и еще чем-то совершенно невероятным. Осматривала всю нашу разномастную, полетному вихрастую, по-вечернему замызганную команду и молча пальцем с рифленным от старости, слегка пожелтевшим ногтем тыкала в кого-нибудь из нас.

Тот, кому выпадало это счастье – придержать марлю, пока

баб Катя переливала молоко из ведер в бидон, старался сделать все правильно, чтобы под огромным напором молока марля не соскользнула ни в бидон, ни на землю. Случалось и такое – у Женьки-зубастика два раза марля соскальзывала! Баба Катя молча брала тяжелый бидон, выливала все молоко обратно в ведро и, сорвав чистую марлю с веревки, начинала весь процесс заново.

После того как молоко было процежено через марлю в бидон, баб Катя брала большой черпак цилиндрической формы – словно удлиненная консервная банка была приделана к длинному металлическому черенку. В эту банку-ковш помещался ровно литр.

Тот, кто сидел первым к крыльцу, шел к бабе Кате, протягивал ей монетки, она тут же ловко прятала их в карман кофты и наливала кому два, кому три зачерпа – два или три литра.

С баб-Катиного двора мы вываливались всей гурьбой и бежали домой наперегонки. Бежали не быстро, слегка отставив руку с бидоном в сторону, чтобы не расплескать молоко. Останавливались разом, у булочной, чтобы попить молока. Прямо из бидона. Взахлеб. До полного ощущения, что больше в тебя не влезет ни капли, что сейчас, вот в эту минуту, в эту секунду – теплое как летний вечер, мягкое как пуховый платок, ароматное как трава на лугу, парное свежее молоко наполнило тебя до самого краешка, точно так же, как баб Катя наполнила твой бидон этим молоком несколько минут

тому назад. И ты замираешь. Чувствуя, что не можешь пошевелиться. А молоко, переливаясь из твоего рта, капает на выдавшие виды летние деревенские одежды.

«Дзынь» – крышка бидона падала на пыльную землю. И лениво бежать к колонке и ополаскивать эту дурацкую крышку. И знаешь, что влетит от родителей: опять мало того что половину молока не донесла, и хорошо если выпила, а то, поди, – пролила! Так еще и песок на дне бидона! Но бежать к колонке все равно было лень. И оттянув растянутую, непонятно какого уже цвета – то ли желтую, то ли серую, то ли белую, вылинявшую за лето трикотажную майку, выбрав уголок почище, вытираешь крышку бидона и бежишь догонять своих друзей.

...А на завтра все повторялось. И бидон, и монетки, и потасовка во дворе у баб Кати, и даже крышка, которую в конце концов папа привинтил к тонкой цепочке, прицепленной к ручке бидона, и можно было больше не беспокоиться о песке на дне.

Предновогоднее

Почему-то именно в это время года хочется быть маленькой. Эдак лет пяти-шести. Верить в сказки и Деда Мороза. Ждать подарков и загадывать желания, в твердой уверенности, что они непременно сбудутся, а если не сбудутся, то мама с папой все равно купят вон того пупса-негритенка, который стоит, наряженный в елочные бусы, на витрине магазина «Игрушки».

Буква «р» на вывеске перегорела, а я уже большая и могу читать. «Игушки» вместо «ИГРРРушки» – смешно.

...Я дышу на покрытое инеем стекло в троллейбусе, помогаю себе теплыми пальцами – это просто: нажимаешь пальцем в пятнышко на окне и лед тает. Пальцам холодно и мокро, но мне весело. В эту чистую дырочку среди толстого льда можно смотреть одним глазом, и я это делаю. Я читаю надписи на пробегающих мимо зданиях «Ап-те-ка», «Пи-во-воды»... Я хмыкаю – пивоводы, как воеводы, думаю я, и тут появляется знакомая надпись: «Игу-ш-ки». Мечтаю, мечтаю, мечтаю.

О розовом велосипеде, который мне все равно не купят. Летом я на всех парах неслась с горы наперегонки с Кисой, врезалась в столб и упала с велосипеда так, что меня возили в больницу, а перепуганная мама сказала – никаких велосипедов!

Я мечтаю о белочке, которая заводится ключиком. И тогда она подносит лапки с орехом к мордочке и понарошку грызет этот орех. Я же знаю, что понарошку, – если бы она взаправду ела этот орех, то уже бы давно съела...

А еще бы платье такое в горошек, белое, в красный горошек и с кружевным воротником, как у тети Томи. И юбка у платья – солнце-клевш.

Крутнешься на одной ноге – и юбка вокруг тебя заиграет волнами, поднимется... Нет... Тогда трусы будут видны, мальчишки будут смеяться...

...Я могу долго вспоминать. Наверное, старею. Не помню, что ела на завтрак, но прекрасно помню мысли, когда я была пятилетней...

Про платье, корону и пятилетнюю дурочку

Я очень, очень волновалась! Очень! Утренник через три дня, и я буду перед всем детским садом читать стихи и песни петь. Нет, я не волновалась из-за стихов и песен. За почти пять лет в садике я их столько спела и прочитала, что мне это было раз плюнуть. Я волновалась из-за платья и короны.

Мама некогда было. У нее отчет. Квартальный! Нет! «Конец года» – назывался отчет. Она приходила домой такая уставшая, что даже на вечернюю сказку для меня у нее не было сил.

Папа из всех художественных поделок мог только одно – нарисовать ровный круг на листе бумаги. Это был его главный талант. Рррраз! И как будто циркулем провел! Ровнехонький кружочек. И пририсовывай к нему уши, или волосы, или корону, или туловище. И я пририсовывала. И получались – рожицы, принцессы и принцессы с ушами и коронами. Но сейчас папино умение рисовать круг на бумаге мне не нужно. Мне нужна корона. Тем более, папа вообще уехал в командировку. В город Орел. Конечно, я сразу представляла себе такого большого орла – птицу, с клювом огромным и страшным, не понимая, почему город так называется и как там люди живут.

Но про город Орел я подумала быстро и забыла, потому что мне нужны были корона и платье. В новогодней постановке я исполняла роль русской красавицы-принцессы. Анна Федоровна, наша музыкантша, сказала, чтобы я никому не говорила, но сказку эту она написала сама и такого утренника ни в одном садике не будет! А короны не было. И платья тоже не было. Ну, с платьем ладно, можно попробовать найти прошлогоднее, когда я была снежинкой.

Переворошив все шкафы и кладовки, платья я не нашла. Зато на глаза попалась мамина белая блузка, ну та, что с бантом на шее. Я немедленно ее на себя напялила и стала перед зеркалом. Хм... Рукава же можно подвернуть! Что я немедленно и сделала. По длине почти нормально – до колен. Подвяжу поясом. Или вот! Бусами! Мамиными белыми бусами! Бант на шее отлично украшал, правда завязывался он довольно низко. Не на шее, а на груди. Вся моя белая майка вылезала наружу. Я вздохнула и уставилась на свое отражение в зеркале.

– Чтой-то тут происходит? Ты чего это мамину блузку треплешь? – бабушка выглянула из кухни как всегда неожиданно.

– Бааа! – заканючила я. – Мне надо белое платье и корону!

– Ага! И хрустальные башмачки! – ответила бабушка и скрылась в кухне.

– Бааа! – ныла я, следуя за ней. – Ну я же выступаю, я буду девочка-принцесса-русская красавица, я же не могу идти в

красном платье с жабо (единственное мое парадно-выходное платье, привезенное отцом из Германии)!

– Ну почему же не можешь? Вполне себе. Красное – значит красивое, значит, принцесса, – отвечала бабушка, отмеривая муку.

– Я уже на утреннике седьмого ноября была в нем, и я тогда не была принцессой! – расстроилась я. – Ты тогда говорила, что день седьмого ноября – красный день календаря, вот и красное платье подходит отлично!

– Правильно говорила, – соглашается бабушка, взбивая яйца с сахаром.

– Бааа, ну мне надо белое! БЕЛОЕ! Платье! – с выражением сказала я и протянула руку к тесту.

– Геть! – буркнула бабушка. – Иди сними блузку мамину, помой руки, потом будешь за тесто хвататься.

– А платье? – не отступала я.

– Ну, сейчас пироги испечем и что-нибудь придумаем.

– Уррра! – обрадовалась я и помчалась к шифоньеру, повесить мамину блузку на плечики, но на полдороге вспомнила: – а корону?

– Ну, корону, я не знаю. Где ж я тебе корону-то возьму?

– А сделать? Давай сделаем? – с надеждой воскликнула я.

– Платье я тебе смастерю, из старой простыни белой. Есть у меня. Накрахмалим, кружева пришьем, не переживай. А вот с короной – увы! Я не умею корону, – сказала бабушка, раскатывая тесто и вырезая из него круглые лепешки.

– Бааа, а у нас кордон есть? – не отставала я, глядя, как круглые лепешки и фарш превращаются в бабушкиных руках в пирожки. Правда, пока еще белые, не румяные, не загорелые в печи.

– Какой такой кордон? – удивилась бабушка.

– Ну, такая бумага толстая! – пояснила я ей, непонятливой.

– Картон! Кар-тон, – рассмеялась бабушка. – Не думаю, что у нас есть картон. Хотя постой! – водрузив последний пирожок на противень, она сполоснула руки, вытерла их полотенцем и вышла из кухни.

– Вот! Пойдет? – в руках у бабушки была коробка от папиных чехословацких туфель. Можно вырезать из доньшка саму корону, а потом мы к ней резинку привяжем. А?

– Хм... – я задумалась, – а тут буквы! Не наши какие-то, – сказала я, разглядывая коробку.

– Ну подумаешь, буквы, можно белой бумагой заклеить!

– Или ватой! – осенило меня. – У Юльки в том году была корона! – я аж зажмурилась, представляя. – Такая корона! На ней вата! А на вате блески! И бусы!

– Ну, бусы-то мамины оставь, положи на место и не тронь! – нахмурилась бабушка. – Блески, говоришь?

– Ну да, такие... хм... ну, блестящие! – развела руками я.

– Давай так. Я займусь платьем, а с короной, может, завтра?

– А мы успеем? – волновалась я.

– Успеем! – ответила бабушка и открыла заслонку в печи. – Сейчас пироги испечем, поужинаем, я тебя обмеряю и попробую придумать тебе платье, хотя швейная машинка барахлит, а папа твой уже месяц ее «чинит»!

– Ба! А давай как у Пугачевой! Такое! – я опять развела руками, пытаясь изобразить платье как у Пугачевой.

– А что? – ухмыльнулась бабушка. – Думаю, с этим мы справимся!

Старая, тонкая от времени, но чистая, без единого пятнышка, простыня была извлечена из шифоньера. Сложена треугольником, как платок, от которого бабушка отрезала излишки. Получился такой большой белый квадрат. Опять сложив квадрат по диагонали и еще раз треугольником, сверху вырезали дырку для головы. Примерка только огорчила меня – я стала похожа на привидение, а не на принцессу. Нос моментально покраснел, сморщился, и в глазах заблестели слезы.

– Знаешь, кому полработы не показывают? – ухмыльнулась бабушка.

– Дураку, – ответила я, шмыргая носом.

– Правильно, – кивнула она, отложила ткань на край стола и вытащила пироги из печи.

Я втянула носом горячий дух пирогов и слегка успокоилась.

С антресолей была извлечена коробка с новогодними игрушками и мишурой. Дождик, такой нарядный, блестящий,

не простые серебряные нити, а закрученные в жгутик, а от него шли пушистые полосочки. «Импортивный», – сказала бабушка и ухмыльнулась.

Я с восхищением следила, как ловко бабушка приметывает этот дождик к подолу моего балахона, обшивает им горловину, – платье мне уже нравилось.

– Только ты не сильно крутись в нем, а то отвалится все, хотя я вроде крепко пришила. Иди, померь!

Я с готовностью скинула одежду и напялила это сокровище, уже больше не похожее на костюм привидения.

– Ну, вот тут пояском прихватить, можно даже маминым, от ее люрекссового платья, только не потеряй пояс-то, – бурчала бабушка, явно любуясь своей работой.

Платье получилось необычное, не такое как у всех, из накрахмаленной марли. Маминым широким поясом меня обмотали два раза, вывязав сзади огромный бант. Но короны-то не было!

В садике девочки хвастались своими платьями снежинок и коронами со снежинками, а я молча переживала, что короны-то у меня так и нет.

Вечером я попыталась разломать коробку, которую мне дала бабушка, но не смогла.

– Ба, а когда приедет папа? – вошла я в кухню.

– Завтра. Давай-ка умываться, пижаму и спать готовься.

Бродишь тут.

– А корона? – чуть не плакала я.

– Ну, корона... А может, просто бант повяжем?

– Бааааа! Ну, какой бант! Корона нужна. Я же принцесса! – расстроилась я.

– Да как же мы с тобой ее сделаем? – отмахнулась бабушка.

– Баааа, – рыдала я, потеряв всякую надежду.

– Что за шум, а драки нет? – мама пришла с работы и,

снимая шубу, заглянула в кухню.

– Ишь, принцесса у нас тут рыдает. Короны у нее нет! – хихикнула бабушка.

– Мааа! – еще горше залилась слезами я.

– Ну и что, что нет. Зато у тебя самое красивое платье! – мама поцеловала меня в макушку.

– Одно платье без короны не считово!

– Не что?

– Не считово! – очень уж мне нравилось это выражение моего старшего брата.

Мама с бабушкой переглянулись.

– Я те дам «не считово»! Иди умывайся, и спать! – буркнула бабушка.

Ночью мне снилась корона. Фигурная, с бусинками, переливающимися на белой вате, с блестками. А утром я обнаружила на кухонном столе именно такую корону. Только даже лучше. И задохнулась от счастья:

– Бааааа! Откуда корона такая! Красивая! – Я подносила свое счастье к глазам, трогала пальчиками осколки от новогодней игрушки, накрепко приклеенные к вате. Стекланные бусы, которые мы всегда вешали на елку, обрамляли корону. А в центре была огромная снежинка, выложенная стеклышками. Это было чудо!

– Ты пальцами-то не очень ковырайсь, стрекоза, – улыбалась бабушка, – а то поотклеивается все. Пусть лежит подсыхает. Мама полночи ковырялась с этой короной-то.

– Уррррррррррррррррр! – прыгала я по кухне. – Но, ба! А как ее надевать на голову?

– Подсохнет все, мы резинку-то и втянем, не переживай. Вот тут и тут, – показала бабушка, – проделаем дырочки и втянем резинку.

Мне очень хотелось рассказать всем в садике про мою корону, но я молчала, и только на последней репетиции к утреннику (всех ГЛАВНЫХ участников праздника освободили от тихого часа!) Анна Федоровна спросила, у всех ли всё готово к выступлению, и я кивнула, улыбаясь.

Назавтра корону с прилаженной резинкой (я могла бы соврять и сказать, что все с этим делом прошло гладко, но не буду, – безусловно, я решила приделать резинку сама, но увы и ах! Дырка для резинки поехала и оторвала угол короны. Я рыдала. Бабушка бурчала. Мама вздыхала. Но резинку таки закрепили) упаковали в целлофановый пакет, а потом еще и в газету. Платье несла мама на плечиках, сверху прикрыв старым болоньевым плащом.

Перед утренником мы пошли переодеваться в нарядное. Я вытащила платье и корону из шкафчика. Сердце мое прыгало. Александра Ивановна и мамы других девочек помогли нам наряжаться. Моей мамы все не было. Я изо всех сил старалась не разреветься. Почти все мамы пришли. А к некоторым даже и папы, и бабушки, а я одна. Положив корону на скамейку, я развернула платье.

– Ах! Какое у тебя платье красивое! – восхитилась Алек-

сандра Ивановна. – Давай я тебе помогу его надеть.

Настроение мое сразу взлетело, и я с удовольствием принялась переодеваться. Когда моя голова вынырнула из сложносочиненного бабушкой платья, я поискала глазами корону. И, о ужас! На том месте, куда я положила свое сокровище, сидел толстый Славка Бирюков в костюме медведя и подпрыгивал на месте.

– АААААААААААААА!!! – заорала я и рванула к Славке.

– Дура придурочная! – закричал Славка и отскочил.

На стуле лежал мой сверток. Только сплюснутый. Слезы полились по моим щекам, капая на платье, на дождик, на блестки. Корона, извлеченная из газеты, представляла собой жалкое зрелище. Я рыдала в голос, сквозь утешения Александры Ивановны, нянечки и мам других девочек. Ольга Андреевна вытирала мне слезы теплой рукой и приговаривала:

– Не плачь, деточка, пааадумаешь, корона! Мы сейчас все исправим. Будет даже лучше, чем было!

Я рыдала, всхлипывая, безнадежно, с подвывом. Александра Ивановна вышла из раздевалки, что-то шепнув нянечке. Я трогала руками то, что осталось от короны, кусочки стекла сыпались на пол, дождик отклеился, вата оторвалась.

– Построение старшая группа! – громко сказала музыкачка, и все дети стали в пары, а я продолжала рыдать и утирать слезы и сопли.

– Спокойно. Все дети идут в музыкальный зал, а мы вас

догоним, – сказала Анна Федоровна и присела на корточки возле меня. Я зарыдала еще горше. – Давай-ка успокоимся и пойдем с детьми в зал. Ты же выступаешь, – напомнила музычка.

– Ккк-ааа-ррро-нааааа! – показывала я на ошметки былой красоты.

– Это не беда, сейчас Александра Ивановна придет, она принесет тебе такую корону, которой ни у кого никогда не было! – радостно сказала Анна Федоровна, а Ольга Андреевна дала мне стакан с компотом:

– Попей, деточка.

Я умылась, поправила платье. Ольга Андреевна перевязала мой бант и пояс на платье, и тут пришла воспитательница. В ее руках... Не может быть! Вот это? Это я могу надеть? Я? Мне?

– Корона Снегурочки! – радостно сказала Александра Ивановна. Только резинку нужно подтянуть. Надевай!

– Мне??? – я все еще не верила своему счастью. Это была даже не корона. Это был кокошник из проволоки, на которую нанизаны настоящие, как мамины, бусы. Кружевная, с висюльками. Высокая, нарядная. Настоящая снегуркина корона.

– Тебе! Давай быстренько, там все дети ждут, ты же открываешь утренник, – подхватила меня на руки Александра Ивановна.

В животе моем, как обычно в такие моменты, сделалось

горячо, слезы моментально высохли, только вот мамы нигде не было. Я глубоко вздохнула и сказала:

– Спасибо, Александра Ивановна, – и всхлипнула в последний раз.

В зале было нарядно и празднично. Дети сидели на низеньких длинных скамейках вдоль стен, а родители-зрители на низеньких же детских стульчиках. Я вышла в центр зала, как мы репетировали. Набрала воздух, и громко заорала:

*– Время бежит всё вперёд и вперёд,
Вот на пороге стоит Новый год...*

И в этот момент увидела, как дверь тихонько приоткрылась и в музыкальный зал вошла мама, а за ней папа, – они помахали мне и улыбнулись. Я им показала на корону рукой, обернулась на Александру Ивановну и продолжила уже более спокойно, но с выражением:

*– Праздник пора начинать нам, друзья.
Пойте, пляшите, скучать здесь нельзя!..*

Вырасту большая и стану...

Когда мне было лет шесть, и я уже не хотела быть тетей Дусей-мороженщицей, я решила, что стану учительницей.

Но обязательно первых классов. И мне на Первое сентября все будут приносить цветы. Много цветов! И я буду учить всех считать, складывать палочки и в прописи крючки писать. Такие как для буквы «И», прописная которая. И чтоб стихи разучивать для утренников. Про флаги у ворот, например. Или про «есть у нас танкисты».

В третьем классе я уже передумала становиться учительницей. Ишь, еще! Всякие мартыненки с беляковыми мне нервы трепать будут. И кнопки подкладывать на стул. И доску намазывать мылом, что ни мелом на ней не написать, ни тряпкой не протереть.

Лучше я буду артисткой. А что? Я всегда выступала на утренниках. И стихи, и песни, и даже в спектакле играла с пятиклассниками. И между прочим, мне хлопали.

Про Новый год сказка была. И я прекрасно и звонко прочла стих про снежинку и покружилась в платье из марли и в белых чешках.

Буду артисткой!

Кино! У меня целая книжечка-абонемент есть из голубеньких таких билетиков в кино Исаченко. По десять копеек за билет. И мы с Кисой бегали каждую субботу в кино на

десять утра. Ну и со школой всем классом ходили.

Буду артисткой – красивой, в платье – юбка так колокольчиком, а плечи открытые, и с такой прической. Ну, вот такой – тут завито, а тут челка длинная, а там шиньон. И туфли-лодочки на остром каблуке. И буду пахнуть духами.

Ну, про духи я в кино увидела, как артистка пшик-пшик делала такой резиновой штучкой, как клизма, тока маленькая. Я тогда сильно удивилась – как это клизмой пшик-пшик на шею, но мне Нинка-малая, сестра моя двоюродная, рассказала, что я дура, а артистка духами брызгалась. Я так и не поняла, как можно клизмой резиновой брызгать духами, но артисткой быть не перехотела.

А наоборот.

Даже еще больше захотела.

И рассказала все Кисе. Все-таки все мальчишки – дураки. Он стал смеяться и дразниться: «Артистка! Артистка!» И мы подрались. Я ему хорошенько наподдала. И поцарапала еще. Ну, он меня тоже толкнул, а там камень был. Нет, не перелом, но правой рукой я двигать еще долго не могла, и она у меня была привязана на бинтике через шею.

А когда мы с Кисой помирились, он сказал, что не хочет, чтобы я была артисткой, потому что в кино целуются! Тетеньки артистки целуются с дяденьками. Вот, хочу ли я с разными дяденьками целоваться? Хочу?

Я подумала, подумала, и поняла, что я вообще не хочу целоваться, даже... фууу!

С Кисой целоваться? Фууу! И с разными дяденьками, тем более, не хочу целоваться. Они ж могут быть противными и курить! Это ж как воняет, когда курят. А по роли целоваться.

Нет.

Не буду я артисткой. Не хочу я целоваться с разными дяденьками.

Лучше я буду тетенькой дикторшой в телевизоре. Красиво сидеть и читать новости. С выражением. И Киса сказал, что вот это я хорошо придумала. И что я могу, например, даже «Спокойной ночи, малыши!» вести, как тетя Таня. И он сможет смотреть на меня в телевизоре.

А я засмеялась и сказала, что он же тоже уже вырастет, зачем же ему смотреть «Спокойной ночи, малыши!»? Он же сможет смотреть футбол, например, или кино в десять вечера. А Киса посмотрел на меня молча, встал и ушел.

Дураки все-таки эти мальчишки.

А я-таки стала тетенькой. Дикторшой.

Ну, почти.

Про питонцев

– Я Земляяяя! Я своих провожаааю питоНце...

– Стоп, стоп, стоп! – мое вдохновенное пение прервала Елена Евгеньевна, руководительница детского хора Дворца пионеров и школьников. Школьников – это про меня, потому, что я еще совсем не пионерка, мне только восемь лет, и я командир(ка) октябрятской звездочки.

– Детка, я в четвертый раз тебе повторяю: не питоНцев, а питоММММцев! Понимаешь? Пи-то-ММММ-цев! В последний раз начинаем, но если ты опять споешь про своих питоНННцев, то вместо тебя будет солировать Валя Сазонова.

Сазониха шагнула вперед, стрельнув в меня своими аккуратными глазами под аккуратным чубчиком. У нее все было аккуратным. И бантики всегда аккуратно завязаны и никогда не сползали по хвостику, а гольфы не сползали по ноге, и вообще она вся такая отличница и правильница, что нам всем ее постоянно ставили в пример. Противная эта Валька.

Ну уж нет! Я буду сама солировать эту песню! Опустив глаза, подтянула дурацкий сползший гольф и пробубнила:

– Извините, Елена Евгеньевна. Давайте попробуем еще раз. Я запомнила...

На пятый раз я правильно спела «питомммцев», и хор вовремя подхватил, и руками я сделала как велела Елена Евге-

ньевна – «широко и вверх» – на словах «Я – Земля!».

С репетиции я бежала в детский сад за младшей сестрой, шепотом напевая: «яяя земляяяяяя, я своиииих провожаю питомммммммммммцев! Сыновей, дочерей!» Завтра концерт. Во дворце культуры имени Ленина. Белые банты, гольфы свои. Платья нам выдадут одинаковые, хоровые. Бордовые, с белыми воротниками. Юбочка в складочки, поясок кожаный... На моем платье с внутренней стороны воротника написаны мое имя и фамилия. И никакая Сазониha не будет солировать!

– «Я Земляяяяяяяяяя!.. Я своих провожаю питоммммм»...

– Здравсьте, Алексанниванна! – запыхавшись, сказала я воспиталке.

– Здравствуй, здравствуй.

– Я за Риткой!

– А мама где?

– Мама задержится на работе. У них там сабантуй! – радостно сообщила я, пытаясь заглянуть в группу, где копошились малявки.

– Что у мамы? – подняла брови воспитательница.

– Сабантуй! – повторила я, в очередной раз удивившись, что некоторым взрослым, даже воспитательницам и учительницам, нужно повторять по несколько раз. Они не понимают. Ну конечно, не понимают, а иначе зачем бы они переспрашивали.

– Завтра праздник, и мамин отдел будет отмечать после работы. Сабантуй. Мне велели забрать Ритку.

– Не Ритку, а Риту, – машинально поправила Алексанниванна и, улыбнувшись, спросила: – А папа где?

– Он играет! – выпалила я.

– Во что? – изумилась воспитательница.

– Что «во что»? – переспросила я.

– Во что папа играет, – пояснила Алексанниванна.

– Ааа, он играет на трубе в оркестре. У него халтура, – сообщила я.

Алексанниванна переглянулась с нянечкой Ольгой Андреевной, которая вышла со стаканом компота в руках. Ольга Андреевна была похожа на куклу, которая сидела у бабушки на самоваре. Круглолицая, румяная, как булочки, которыми она подкармливала и воспитателей, и детишек в детском саду. На ее многослойной шее, прямо из-под горла, выглядывали крупные янтарные бусы. Брови и ресницы такого же цвета, как волосы, – белесые, словно мукой присыпанные. На голове белая косынка, завязанная спереди на лбу. Ну точь-в-точь как у куклы на самоваре. Она была большая. Вся. Руки в мягких ямочках. Грудь шла впереди нее, прикрытая белоснежным накрахмаленным фартуком...

– Ты моя деточка любимая, – заулыбалась Ольга Андреевна.

Я тоже ходила в этот детский сад, когда была маленькой, а сейчас я учусь в школе. В третьем классе. Нас скоро будут

принимать в пионеры, а садик – для малышни. Ольга Андреевна была и моей нянечкой тоже, а теперь и Риткиной. Только она позволяла мне не есть холодный рисовый молочный суп с противными пенками. Только она позволяла мне не есть бутерброд с маслом и чаем на ужин. «Слижи масло, булку можешь не есть, чаем запей и иди, горе мое луковое», – говорила она. Я, давясь, слизывала масло, запивала остывшим чаем и, счастливая, вылетала из-за стола. Я совсем не любила есть. Совсем!

– Ольга Андреевна! – я бросилась к ней. Она обняла меня и поцеловала в макушку.

– На вот, твой любимый компотик из сухофруктов! – она протянула стакан, и я с удовольствием одним махом выпила сразу почти половину. Тыльной стороной ладошки вытерла рот и только тогда сказала:

– Ой, спасибо, Ольга Андреевна!

– На здоровье, солнышко, на здоровье! – улыбнулась моя нянечка и ловко поправила мне ленты на хвостах. – Что-то ты к нам не забегаешь? Как учишься?

– Ой, Ольга Андреевна! Некогда мне – я завтра пою во Дворце культуры Ленина! Солирую! А еще у меня танцы, пианино и плаванье!

Ольга Андреевна прижала меня к себе, и я почувствовала знакомый запах ванили, детского мыла, кухни и чего-то еще, чем пахли только Ольга Андреевна и моя бабушка.

– Ты можешь передать маме, чтобы она позвонила мне сегодня? – сказала Алексанниванна.

– Могу, но она, наверное, поздно придет.

– Тогда передай ей, что это срочно. У нас в саду педикулез. Запомнишь?

– Кто? Какой Педикулез? Это новенький? – спросила я.

– Ты маме так скажи, и пусть она мне позвонит, – засмеялась Алексанниванна.

– Хорошо. Педикулез. Педикулез.

– Что у нее в саду? Педикулез? – повторила бабушка за мной слово в слово. Взрослые! Все время переспрашивают.

– У меня вося! – важно сказала Ритка.

– Боже мой! – всплеснула руками бабушка и стала перебирать Риткины волосы. – Кто тебе сказал?

– Миси-ся! Она нас сех плавилаяа, и скажайа у всей группы вося!

– Педикулез – это и есть воши! – авторитетно сообщила я, вспомнив слова Алексаннинванны.

– Боже мой! – опять всплеснула руками бабушка и скомандовала: – Раздеваться и обе в душ! Немедленно. Одежду давайте сюда, я постираю, и головы ваши надо намазать!

– Чем? – спросила я.

– Тем? – повторила Ритка.

– Керосином! – ответила бабушка и направилась к телефону.

– Не буду голову керосином, – завыла я, – у меня завтра концерт! Я не могу керосином!

– А если и у тебя вши заведутся? – спросила бабушка, крутя телефонный диск и обмахиваясь передником.

– Не заведутся! Не заведутся! – сказала я и топнула ногой.

– Я тебе сейчас топну! Что это за новости такие? На бабушку топать! – Але, Нину Семенну, пожалуйста, попросите. Спасибо... Нина, Риту забрали из сада, у них там в группе вши... У всех детей... Воспитательница.

– Записку вот, записку она мне передала, – я достала бу-

мажку и протянула бабушке.

Она кивнула и, поправив очки, принялась читать. – Нина, давай домой, я их обеих сама не выкупаю, и надо керосином головы им намазать или, еще лучше, постричь!

– Я не буду стричься, у меня вообще нет ничего. Ритку стригите! – заныла я, а Ритка подхватила: – И я не буду стыит-тя! Нибуду! У меня воси!

– Давай, мы тебя ждем, – бабушка положила трубку на место и опять всплеснула руками: – Пойди ко мне, зайнька, бабушка посмотрит, что у тебя там за «воси» такие.

– Алесанниванна казяла, сто у нас воси у фсех. Их в гуппу пинес Саска-тиган.

– Сашка-цыган?

– Аха, – подтвердила Ритка, прыгая на одной ножке.

– Да, что это за беда такая! Стой, стрекоза! – причитала бабушка, подслеповато разглядывая Риткины волосы.

– Бааа, у меня завтра концерт. Я выступаю во дворце имени Ленина. Пою про: «Я Земляяяяяя, я своих провожаю питон... мцев!» – похвалилась я...

Мама примчалась, запыхавшись, пробежала записку глазами, позвонила Алесанниванне. Вначале нахмурилась, потом улыбнулась, потом рассмеялась, сказав: «сабантуй» и «халтура»...

А потом наши с Риткой головы намазали вонючим керосином, прочесали густой расческой с мелкими зубчиками, надели нам на головы платки и велели сидеть так целый час.

Задыхаясь от запаха, я наблюдала, как Ритка лепит куличики в песочнице во дворе. Я вспомнила про питомцев и задумалась. «Если Алексанниванна сказала, что питомцы – это животные, о которых заботятся люди, то почему «Я – Земля» провожает их «до самого Солнца» и называет «сыновьями и дочерьми».

– Ба, а что такое питомцы? – спросила я у стиравшей наши одежды в тазу бабушки.

– Питомцы? А где ты слышала?

– Ну, я пою: «Я – Земля! Я своих провожаю питомцев! Сыновей, дочерей!»

– Ааа, ну, в этой песне речь идет о детях Земли.

– А животные?

– Какие животные?

– Алексанниванна сказала, что питомцы – это животные, о которых заботятся люди.

– Так тоже правильно, – согласилась бабушка, отряхивая мыльную пену с рук. – Подлей-ка мне кипяточка.

– Чешется, – заныла я и начала шкрябать голову через платок.

– Потерпи чуток, совсем немножко осталось. Нина, – крикнула бабушка маме, – ты постели у них поснимала?

– Я уже их поменяла, постелила все чистое. А эти сложила – надо отдать в прачку или выварить? – сомневалась мама.

– В прачку – там и выварят, и на больших машинах прогладят – продезинфицируют, – уверенно кивнула бабушка.

– Во, Алексанниванна сказала, что Риткину группу завтра про-ди-фи-рин-цируют тоже! Маааа, давай снимаааать, – заныла я. Керосин «кусал» голову. Под платком было жарко и ооочень воняло.

– Я сейчас выкупаю Риту, а потом тебя, – сказала мама, вынося большую сумку с грязным постельным бельем в коридор...

Одуревшая от впечатлений и запаха керосина, уставшая от горячего, «как только можешь терпеть!» душа, я легла в чистую постель. Закрыла глаза и подумала: «Если сыновья и дочерья – питомцы, и животные тоже питомцы, то я тогда тоже, выходит, питомка?»

Додумать эту мысль я уже не смогла.

На стуле висели белые гольфы, а скрученные в тугие ролики гофрированные белые ленты лежали на столе. Всю ночь мне снились воши и питонцы... А завтра я спою лучше, чем Валька Сазонова!

Питоммммцы!

Леденцы на палочке

Сегодня случайно узнала, что 20 июля неофициально, но все же отмечается День леденца на палочке. И...

Вы помните леденцы на палочках?

Ооо!!! Это было вожаделенное лакомство. В моем детстве такие леденцы в магазинах уже не продавались. То есть теоретически они должны были бы там продаваться, но не продавались, так же, как и большинство товаров народного потребления.

Ох, каким бы товаром народного потребления могли бы стать леденцы на палочке. Таким же, пожалуй, популярным, как и подушечки по 13 копеек за сто граммов. Помните? Я отлично помню. И то, как эти подушечки сахарной посыпкой царапали нёбо и как из серединки карамельки вытекало варенье или повидло, которые непременно должны были быть кисленькими. Самым шиком было постараться не перекусить подушечку, потому что начинка не вытечет, а смешается с обломками карамели, а это уже не то. Как сказали бы сейчас – не комильфо.

Так вот, если подушечки я еще некоторое время (в младших классах) могла покупать сама в гастрономе, то леденцы на палочках – все эти ярко-красные петушки и звездочки – продавала возле магазина странного вида тетка – тогда еще не было слова бомжиха. Держала она леденцы, зажав в кулаке палочки, как букет цветов. Зимой и летом тетка была в одной и той же телогрейке, только зимой на голову она повязывала латаный серый платок, а летом и весной платка не было и ее буйные, некогда рыжие, а нынче пегие свалявшиеся волосы уныло висели над ушами. Тетка, подмигивая вечно офингаленным глазом, зазывала покупателей полубеззубым ртом, из которого вырывался неожиданно басовитый голос:

– Пееееетушки! Налетай-покупай! Сладкие-нарядные! Пееееетушки!

– Пососешь Петушка – жизнь приятна и легка! – импровизировала тетка.

Я не понимала, почему хихикали местные алкаши, вечно трущиеся возле этой бомжихи, и почему заливались румянцем молодые мамы с ребятней, кланчившей «куууупииии петушка!».

Мне мама не позволяла покупать эти леденцы на палочках у тетки. «Потому что там неизвестно что намешано, и неизвестно в каких условиях, и где готовилась эта зараза!» – исключительно понятное объяснение для советского ребенка.

...Зато теперь можно вволю закупить любых леденцов на

палочке, да вот что-то не хочется...

Небесная ласточка

А спросите меня, спросите, занималась ли я в детстве гимнастикой. А танцами? А музыкой? А училась ли я в художественной школе? Спросите меня!

А я вам отвечу. Что я могла бы долго рассказывать о музыке и уроках живописи, лепки и прочих сольфеджиях. Но сейчас не об этом.

Я как-то задумалась, почему же я такая неуклюжая. В детстве я занималась гимнастикой. Ну, не Алина Кабаева, и пою я лучше – свидетели есть, но вполне себе, даже очень успешно занималась. И с ленточкой могла, и с мячом, и с булавами (правда, врать не буду – пару раз я их подкинула, но не поймала. Они свалились на голову, как вы и ожидали). Особенно мне нравилось заниматься с ленточкой.

И мне купили черную, красную и желтую ленты. А купальник для выступления сшила мамина подружка, у которой дочка тоже занималась гимнастичкой, была на год меня старше и в тыщу раз лучше. Ну, а на каждодневные тренировки был у меня черный спортивный трикотажный купальник из Детского Мира. И я стеснялась надевать его на голое тело, поэтому надевала его на трусы. А трусы были советские. Белые, трикотажные, «до подмышек». И они торчали из-под купальника. Я ужасно этого стеснялась и половину тренировки заправляла эти злополучные белые трусы под

резинки черного купальника.

На секундочку отвлекусь. К слову пришлось.

Вот у вас была в детстве девочка, которую вам всегда ставили в пример?

Ирочка то, Ирочка се. Ирочка отличница. Ирочка серьезная. Ирочка слушается маму и папу. Ирочка такая вежливая. Ирочка ладит с младшим братом и не дает ему щелбанов. У Ирочки все тетрадочки чистенькие, в обложечках. У Ирочки первый взрослый разряд по художественной гимнастике. Ирочка в пятнадцать лет стала мастером спорта.

При этом Ирочка была на голову выше вас и все ее одежды вам переходили по наследству, потому что Ирочкина мама и моя были как сестры. А Ирочка еще и аккуратная, и все ее платьица и свитера были как новенькие, а не то что...

Однажды я отомстила Ирочке. Не нарочно. Так получилось.

У меня был день рождения. Советский день рождения советской девочки в десять советских лет. Ирочка осталась у нас ночевать. А до этого было много еды, мандаринов, ситро и мороженого крем-брюле. Спать нас уложили на одной тахте. А ночью все вышеперечисленное меню из меня поперло. Верхом пошло. Со сна я даже не поняла, что случилось. Ирочке не понравился душ посреди ночи из полупереваренных продуктов, и она больше у нас ночевать не оставалась. Обиделась, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.